

5. Razlogov K. Je. *Iskusstvo jekrana: ot sinematografa do Interneta*. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010, 287 p.
6. Sudarikov V. A. *Trolling: analiz javlenija. Pravoslavie i mir*. Available at: <http://www.pravmir.ru/svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. rus>.
7. Burgess J. and Green J. *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. New York: Polity press, 2009, 184 p.
8. Jenkins H. *Confronting the Challenges of Participatory Culture Media Education for the 21st Century*. New York: *The MIT Press*. 2014, 308 p. Available at: http://mitpress.mit.edu/sites/default/files/titles/free_download/9780262513623Confronting_the_Challenges.pdf, svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. angl.
9. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and NewMedia Collide*. *Emery Martin*. 2011. 405 p. Available at: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week8/Jenkins-ConvergenceCulture-Intro.pdf>, svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. angl.
10. Mason P. *Why it's Kicking Off Everywhere: The New global revolutions*. New York, 2013, 188 p.
11. Saffo L., Brake D. K. *The social media bible*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2009, XVIII, 821 p.
12. *The top 500 sites on the web. Alexa: the web information company*. Available at: <http://alexa.com>, svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. angl.
13. *YouTube at 10: How an online video site ate the pop culture machine*. Available at: <http://www.washingtonpost.com/svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. angl>.
14. *Man on the street plays*. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=aTsMTIofG2Q>, svobodnyj. Zaglavie s jekrana. Jaz. angl.

ЖЕНСКАЯ ТРАНСГРЕССИЯ НА ГЕТЕРОТОПНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ФРОНТИРА¹

Якушenkova Олеся Сергеевна, ассистент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: jestershadow@mail.ru

Фронтир – это специфичная во всех отношениях зона, которая может быть рассмотрена с позиции теоретических подходов М. Фуко как гетеротопное пространство. Хотя сам М. Фуко не предполагал использования концепта гетеротопии для фронтальных территорий, описанные им характеристики гетеротопных пространств позволяют полагать, что его подход будет весьма продуктивным для использования его по отношению к фронталу. Сложные условия подобного пространства заставляют женщин ломать традиционные гендерные паттерны и стереотипы. Автор статьи анализирует различные типы трансгрессии, уделяя основное внимание в первую очередь гендерному аспекту. Женская трансгрессия – это не только медиа-миф, но и вполне реальное явление. Подобные случаи мы встречаем в истории США, России и Китая. В статье приводятся различные примеры, так или иначе касающиеся женской трансгрессии. Автор рассматривает как реальные исторические факты, так и медиа-образы. На примере современного китайского кинематографа, затрагивающего фронтальную тематику, автор анализирует репрезентацию женского поведения на гетеротопных пространствах. Фронтальная женщина в китайском кинематографе персонаж не редкий, чьи корни уходят вглубь китайской истории. Чаще всего, это всего вонительница, представительница иной этнической группы, позиционируемая как дикарка или маргинальный элемент, способный противостоять мужчинам или и вовсе доминировать над ними. Ее характеристики зачастую демонизированы, а сексуальность сведена к минимуму или, наоборот, гротескна, агрессивна и выставлена на первый план.

Ключевые слова: фронтир, гетеротопия, трансгрессия, женщины, гендер, сексуальность

FEMALE TRANSGRESSION ON HETEROTOPIC SPACES OF THE FRONTIER

Yakushenkova Olesya S., Assistant

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: jestershadow@mail.ru

Frontier according to the Foucault's theoretical approach can be looked at as a heterotopic space. Although Foucault does not use the concept of heterotopia for describing Frontier areas, the characteristics of heterotopic spaces he suggests let us think that his approach is very productive in relation to the frontier. Difficult conditions of such space forces a woman to break traditional gender patterns. Both in real life and in media images we see an active transgression of women, who breaks the stereotypes of traditional female behavior. Similar examples we can find in the history of the United States, Russia and China. Modern Chinese cinema, although not always being correct in historical details, however, focuses on of frontier woman's transgression. She becomes often a warrior, a savage, able to withstand men and even dominate them; her female sexuality is minimized or represented in grotesque way. Even if she's sexy, she's sexually aggressive. However, the meaning of such transformation is always

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

the same one: in times of crisis, a woman can perform «male» gender roles and act in a masculine type of behavior, but once the crisis has passed, she is obliged to return to traditional feminine pattern.

Keywords: frontier, women, heterotopic spaces, transgression, sexuality

Фронтир – это специфичная во всех отношениях зона. Это линия, за которой мы уже не знаем, что ждет нас. Это жизнь на пределе или за пределом привычных социальных устоев. У него нет «границ», и поскольку «на границе» не равно «за границей», жизнь на фронтире коренным образом отличается от жизни за фронтиром. Хотя М. Фуко непосредственно не касался вопроса фронтира, однако, как нам кажется, его идея о существовании особого типа пространств, отличающихся от пространств «стандартных», «нормативных», заслуживает особого внимания и может помочь более глубокому пониманию многих фронтирных проблем. По мнению М. Фуко, в каждой культуре есть реальные места, формирование которых происходит вместе со складыванием самого общества и которые представляют собой «пространство на-оборот», своеобразную воплощенную утопию (или дистопию), где все типы пространств, существующие в этом обществе, слиты воедино, но при этом отражены и перевернуты. В них нет традиционных связей или отношений. Для них характерны новые связи, возникающие по новым законам, отличным от традиционного общества. Подобные области находятся за пределами всех других, даже если представляется возможным определить их реальную географическую привязку. И поскольку они кардинально отличаются от всех остальных типов пространств, М. Фуко в своей работе «Другие пространства» [8, с. 22–27] называет их, по аналогии с «утопиями», «гетеротопиями».

Гетеротопия – это константа каждой культуры. По утверждению М. Фуко, в мире нет ни одной культуры, которая не смогла бы построить гетеротопию. Но, вне сомнений, существует множество форм гетеротопного пространства, и, скорее всего, говорить о какой-то абсолютно универсальной гетеротопии, единой для всех, не представляется возможным. В так называемых примитивных обществах мы можем найти нечто, что можно условно окрестить «кризисными гетеротопиями». Под этим понятием Фуко подразумевает всевозможные священные или запретные места, доступ к которым открыт лишь особым социальным группам, которые сами могут находиться в состоянии «кризиса», или, иными словами, пребывать в пограничном состоянии. Кризисные гетеротопные пространства сменяются девиантными гетеротопиями, то есть такими пространствами, куда помещаются те, чье поведение отличается от общепризнанных норм и законов. У всех гетеротопий М. Фуко выделяет определенный набор черт, таких как: 1) функциональное разнообразие. Общества, как показывает история, могут определять функции гетеротопных пространств весьма широко. И хотя, как правило, функциональные особенности такого пространства четко детерминированы внутри каждого общества, они могут варьироваться в связи со сменой культурной обстановки; 2) способность смешивать в одном реальном месте несколько пространств, которые порой могут казаться несовместимыми. В этом смысле М. Фуко сравнивает гетеротопии с театром, ведь театральная сцена показывает нам целый ряд территорий, чуждых друг другу; 3) связь с различными периодами времени (Фуко по аналогии называет это гетерохронией). В этом смысле замечательным примером может служить кладбище. Будучи в высшей степени гетеротопным, как мы уже сказали выше, кладбище гетерохронно для индивидуумов, так как оно связано с потерей жизни (и времени) и одновременно с приобретением вечности, ибо кладбище – это еще и место, где людские тела находятся после смерти; 4) наличие систем входа и выхода, которые, с одной стороны, изолируют их от внешнего пространства, с другой – сохраняют возможность проникновения в них. Иными словами, проникнуть в гетеротопию не так просто, как это бывает с другими социальными пространствами. Либо вход в гетеротопию обязателен и не предполагает выхода из нее в ближайшее время (как это бывает с тюрьмами и казармами), или индивидууму необходимо пройти специальные обряды, чтобы очиститься, или как-то подготовиться к посещению гетеротопии. Чтобы проникнуть на закрытую территорию гетеротопии, человеку придется получить разрешение и совершить определённые действия [8, с. 25]; 5) функциональные особенности детерминируются смежными пространствами. Либо они создают иллюзорный мир, отражающий в себе реальность, делая ее более ирреальной (схожую роль в европейском обществе когда-то играли бордели), либо создают иное пространство, не менее реальное, чем наш мир, но настолько совершенное, настолько структурированное, насколько наш мир хаотичен.

Хотя М. Фуко не предполагал использования концепта гетеротопии для фронтирных территорий, описанная им типология гетеротопности, позволяет полагать, что его подход будет весьма продуктивным для использования его по отношению к фронтиру. Фронтирные гетеротопии, даже те, в которых межкультурный диалог уже состоялся и принимал самые развитые формы, как правило, представляли собой некую синтезированную поликультурную среду, в которой можно обнаружить множество старых и новых компонентов.

Фронтальные субъекты изменяют не только природный ландшафт (засеивая его, застраивая, раскапывая, срубая леса и осушая реки), но и культурный. В процессе этого акторы меняются и сами, трансформируя свою телесность в новую фронтальную форму. Они также изменяют облик тел тех, с кем осуществляется этот культурный диалог. По мере более длительного существования на фронте фронтальмены еще больше трансформируются в новый субъект с новыми формами. Его выход за грань (границу) своего привычного бытия неизбежно переносит его в новую реальность, заставляя действовать в новых, порой экстремальных или экстраординарных, условиях. Действия в экстраординарных условиях, состояние «транс», состояние выхода за предел, за роковую черту культуры в итоге приводит человека к состоянию трансгрессии (другому термину Фуко и близких ему по взглядам постмодернистов). По мнению Фуко, «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [5, с. 117].

Иными словами, фронталь (как предел) и трансгрессия (как черта поведения) взаимосвязаны и взаимозависимы. Как ни странно, о схожем явлении в поведении переселенцев в свое время упоминал даже сам Тернер, отмечая, что дикая местность подчиняет себе колониста. Разрабатывая идею гетеротопий, Фуко заявлял сам факт наличия подобных пространств, отличных от «мейнстримных» пространств, а анализируя трансгрессию, он выходил на понимание механизма функционирования законов культуры в нестандартных условиях.

Из всего многообразия примеров трансгрессии мы выделили следующие ее виды. 1. Лингвистическая, или лексическая, трансгрессия, при которой субъект начинает в своей речи использовать лексику или грамматические конструкции, не свойственные его языку. 2. Юридическая трансгрессия - использование чужой правовой модели. 3. Алиментарная трансгрессия – переход к алиментарным традициям Чужого. 4. Вестиментарная трансгрессия – т.е. заимствование у Чужого его одежды и способов ее ношения. 5. Ксеноморфная трансгрессия – субъект кросс-культурного диалога стремится внешне походить на Чужого. 6. Хозяйственная трансгрессия – т.е. переход к чужой хозяйственной деятельности в новых природных условиях. 7. Эдификативная (от лат. *aedificium* – здание) трансгрессия. Подражание или использование строительных моделей Чужого для своих нужд. 8. Сексуальную трансгрессию, связанную со сменой сексуальных поведенческих паттернов. 9. Гендерная трансгрессия, связанная со сменой гендерных поведенческих стереотипов.

В отличие от всех предыдущих типов, гендерная трансгрессия, хотя и является реакцией на встречу с Чужим, она все же не завязана на заимствование поведенческих паттернов Чужого. Встреча с Чужим выступает как некий вызов, который способствует ломке традиционных паттернов. То, что не приемлемо в *mainstream society*, здесь становится возможным в силу экстраординарности ситуации. Новые природная и культурная среды дают возможность фронтальмену сломать привычный культурный код. Особенно заметно это на примере смены гендерных ролей.

Традиционно до недавнего времени доминировало мнение, что фронталь не место для женщины и женщины о фронте рассказать «могли бы чуть больше, чем лошади» [9, с. XII]. Но анализ самых различных источников показывает, что роль женщины во фронтальной истории до сих пор недооценена. Новые условия вне сомнений были тяжелы, но именно на фронте в силу специфики условий (о которых мы говорили выше), она получила возможность выйти за рамки традиционных гендерных предписаний и взять на себя часть функций, которые традиционно рассматривались как мужские. Переходя на чуждый для нее социальный и культурный статус она совершала акт трансгрессии.

Очень хорошо этот вопрос изучен на примере американского фронта (так называемый *WILD WEST*), история сохранила для нас множество женских имен, иллюстрирующих наш тезис о гендерной трансгрессии. Наиболее ярким примером этому является Каламити Джейн, даже ее прозвище свидетельствует о том, что она является своеобразной угрозой не только моральным устоям, но и жизни недоброжелателей. Будучи отличным стрелком, она не раз бросала вызов мужчинам и побеждала их [6, с. 94]. Еще одной дамой, переодетой в мужскую одежду и ступившей на мужскую дорогу, стала Элизабет Ньюком, которая служила в американской армии во время мексиканской войны. Хотя после 10 месяцев службы она была разоблачена и уволена из армии, позднее Конгресс по достоинству оценил её героизм и передал 160 акров земли за ее заслуги перед американским народом [6, с. 94]. Еще одна американка, Сара Боргинис, хоть и не переодевалась в мужской костюм, так как была поварихой, встала на защиту фронта, в котором работала и была произведена в полковники [6, с. 95]. Еще одна знаменитая американка – Энн Оукли – так же была отличным стрелком. Чтобы поддержать мать, а также братьев и сестер, стрелять и охотиться Энни начала уже в восьмилетнем возрасте. Подстреленную зверей она продавала в городке Гринвилл, а также в ресторанах и гостиницах южного Огайо. Вырученные средства в итоге помогли рассчитаться за закладную ферму матери [7, с. 649].

Все эти женщины стали культовыми медийными фигурами. Он них пишутся книги и снимаются сериалы, их истории постоянно ретранслируются в современном мире. Однако не стоит думать, что подобные примеры можно найти только в истории США. Если мы обратимся к истории других стран, где в той или иной степени существовал фронтир, то мы найдем огромное количество схожих моментов, в которых женщины были вынуждены совершать акт трансгрессии. Это правомерно и в отношении российской истории, Британской и конечно Китайской.

В России Фронтир существовал в разные периоды в разных пространствах. Российский фольклор очень хорошо зафиксировал ряд мотивов о женской трансгрессии, причем эта трансгрессия осуществлялась в двух плоскостях – это поведенческая трансгрессия Чужой женщины, и трансгрессия своей. Чаще всего женская трансгрессия выражается через образ героини-воительницы, который нередко встречается в былинах. Сюжет разворачивается вокруг столкновения «своего» богатыря и «Чужой» женщины, которое завершается браком и/или убийством чужестранки, иными словами женщина, пусть даже и воительница, зачастую является лишь побочным персонажем повествования. В былине «Дунай и Негра» богатырь Дунай Иванович сражается с чрезвычайно сильным богатырем, и, с трудом одолев его, узнает, что это была женщина – дочь литовского короля Настасья. Герой женится на ней, но на свадьбе они снова соревнуются в боевом мастерстве, и здесь уже героиня превосходит его в умениях. Не в силах вынести оскорбления, нанесенного более сильной женой (либо в результате роковой ошибки), он убивает Настасью. Но обнаружив, что жена была беременна чудесным младенцем («по коленца ножки в серебре, по локоточки рученьки в золоте, на головушке по косицам звёзды частые») [4, с. 77] Дунай осознает свою вину и убивает себя.

В сюжетах, где воительница не является «Чужой», она все равно так или иначе трансгрессирует. К примеру, в былинах «Ставр Гоудинович» и «Про прекрасную Василису Микулишну» богатырша не только переодевается татарским послом, чтобы спасти своего мужа, но и женится на царской дочери, пройдя все испытания [1, с. 851]. В итоге она все-таки спасает своего мужа, а обман раскрывается, т.е. она возвращается к традиционной модели поведения. Здесь мы видим один из немногих сюжетов, где героиню не ждет в итоге смерть. Возможно, это связано с тем, что в отличие от других полениц, Василиса все-таки изначально своя (и не борется в данном случае с мужем). Как мы уже отмечали, сложно игнорировать тот факт, что все эти сюжеты концентрируются в первую очередь на судьбе мужчины, в то время как женщина всего лишь объект, созданный для того, чтобы обеспечить его желаемым или помочь добиться результата. Даже столкновение с богатыршей демонстрирует нам небывалую удачу Богатыря. Интересно, что подобный сюжет о противостоянии мужчины и женщины встречается не только в былинах, но и имеет и некое историческое отражение.

Мотив об иноземной принцессе, которая пытается известить своего суженного можно встретить и в истории о женитьбе князя Владимира на варяжке Рогнеде, и в «Казанской истории», где казанская царица пытается отравить претендента на ее руку. Вполне возможно, что эти исторические события испытали сильное влияние фольклорных мотивов, однако, не стоит думать, что женская трансгрессия возможна только в вымышленном пространстве фольклорных сюжетов.

Множество исторических фактов гендерной трансгрессии мы находим на примерах поведения женщин, в частности, в регионе Нижней Волги, который, вне всяких сомнений, представляет собой фронтирную гетеротопию. Яркое описание «странного» поведения женщин приводит нам известный российский журналист и путешественник Немирович-Данченко. Встреча с местными женщинами удивляла и завораживала его. Они контрастировали с поведением и внешностью женщин из центральной России. Астраханки шокировали автора заметок ношением штанов и мокрой одеждой, которая свободно облепляла все изгибы женского тела, нисколько не смущая самих дам [3, с. 61]. Кроме того, они обладали весьма бойким нравом. Автор приводит также выдержки из беседы с ними, свидетельствующие о том, что для фронтирной женщины возможность работать наравне с мужчиной была весьма обыденной вещью, и этой возможностью не пренебрегали, стараясь обеспечить семью деньгами [3, с. 62]. Героини описания также говорили, что «другая и за двух мужиков постоит еще» [3, с. 62], подчеркивая необычайную трудоспособность. Кроме того, фронтирная женщина и спокойно «дружит» с коллегой-мужчиной, что, конечно, весьма сложно представить в любой другой части России того времени.

Само собой, трансгрессировало не только местное русское население. Близкое соседство с русскими вносит и свои коррективы в поведение соседних народов. Свидетельством подобной трансгрессии является история казашки Муны Анн, которая, несмотря на многочисленные убеждения и побои, так и не согласилась выйти за брата своего покойного жениха [2, с. 49–50].

Как мы видим, буквально в истории любой страны можно найти схожие моменты. В случае с российским дискурсом, заметно, что на уровне фольклора подобные сюжеты хотя и рас-

пространены, однако женщина в них в большей степени объект, овладение которым является маркером вступления богатырем в новую фазу жизни, иными словами, самому трансgressирующему персонажу уделяется достаточно мало внимания. Схожую ситуацию мы наблюдаем и в медиа-пространстве, в котором подобные сюжеты фактически не получили распространения.

Однако на примере американского дискурса мы видели как подобный персонаж может стать медиа-иконой. Схожую ситуацию мы наблюдаем и в случае с Китаем. Здесь достаточно упомянуть бесконечное количество всевозможных интерпретаций истории Хуа Мулань. По сюжету, который насчитывает уже не одну сотню лет, юная девушка Хуа Мулань переодевается в мужскую одежду, чтобы пойти на войну с кочевниками-жуаньженями. Попав на поле боя, она не только не растерялась, но и проявила себя прекрасным воином. Подобное возвышение женщины в иерархичном патриархальном обществе возможно только в сложный период гетерохронии, что собственно мы и наблюдаем. Становление еще одной исторической героини, о которой также снято немало фильмов, – Цинь Ляньчжун – происходит в период активных военных действий и смены правящих династий. Да и сама она весьма гетеротопный персонаж – не принадлежащая к ханьской этнической группе, она действует, тем не менее, и в их интересах [10, с. 311].

Гендерная трансgressия вообще достаточно часто встречается в Китайском кинематографе, и на его примере можно изучать специфику отображения этого феномена в современном медийном пространстве. Замечательные примеры гендерной трансgressии мы находим в фильме «Семь мечей» (2005, Цуй Харк), сюжет которого разворачивается вокруг прихода к власти династии маньчжуров и последовавшего за ним запрета на применение боевых искусств. В картине присутствует несколько женских персонажей, и здесь как нельзя лучше отразилась градация образов, передающаяся посредством внешности. В самом начале фильма мы видим кровожадную и агрессивную героиню второго плана. Она наемный убийца, беспощадный ко всем, она носит мужские доспехи, ее виски выбриты, и, что особенно важно, – ее тело покрыто татуировкой. Татуировку в Китае наносили преступникам, это был один из способов маркировки маргинальных слоев общества, призванный предупредить добропорядочных граждан об опасности этого человека. Само собой, что татуирование было абсолютным табу для добропорядочных женщин, к которым, как мы видим, героиня явно не относится. В целом все эти характеристики, с выбеленным лицом и выбритыми висками, в большей степени говорят о демонизации образа трансgressирующей женщины, что сводит на нет ее фемининные характеристики и сексуальность.

Подводя итоги, следует сказать, что факт определенной актуальности подобной гендерной трансgressии в кинематографе и литературе в дискурсе ряда стран позволяет констатировать, что тема женской трансgressии во фронтальной гетеротопии является актуальной и по сей день, что требует от нас дополнительного изучения.

Список литературы

1. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / А. Ф. Гильфердинг. – Санкт-Петербург, 1873.
2. Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы / Я. А. Мак-Гахан. – М., 1875.
3. Немирович-Данченко В. И. У голубого моря (люди и природа в низовьях Волги) / В. И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург, 1903.
4. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / П. Н. Рыбников. – М., 1861.
5. Фуко М. О трансgressии / М. Фуко // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX в. – СПб.: Мифрил, 1994.
6. Якушенкова О. С. Женщина на американском фронтире / О. С. Якушенкова. – Астрахань, 2013.
7. Carter G. L. Guns in American Society. An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law / G. L. Carter. – V. 1. Santa Barbara, 2011.
8. Foucault M. Of Other Spaces / M. Foucault // Diacritics. – 1986. – Vol. 16. – № 1. – P. 22–27.
9. Lindgren H. E. Land in Her Own Name: Women as Homesteaders in North Dakota / H. E. Lindgren. – Norman, University of Oklahoma Press, 1991.
10. Peterson B. B. Notable Women of China / B. B. Peterson. – New York: M.E. Sharpe, 2000.

References

1. Gilferding A.F. *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gilferdingom letom 1871 g.* Sankt-Peterburg, 1873.
2. Mak-Gahan Ja. A. *Voennye dejstvija na Oksuse i padenie Hivy.* M., 1875.
3. Nemirovich-Danchenko V.I. *U golubogo morja (ljudi i priroda v nizov'jah Volgi).* Sankt-Peterburg, 1903.
4. Rybnikov P.N. *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym.* M., 1861.
5. Fuko M. *O transgressii. Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka.* SPb.: Mifril, 1994.
6. Jakushenkova O.S. *Zhenshhina na amerikanskom frontire.* Astrahan', 2013.
7. Carter G.L. *Guns in American Society. An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law.* V.1. Santa Barbara, 2011.

8. Foucault M. Of Other Spaces. *Diacritics*. 1986, vol. 16, no. 1, pp. 22–27.
9. Lindgren H.E. *Land in Her Own Name: Women as Homesteaders in North Dakota*. Norman, University of Oklahoma Press, 1991.
10. Peterson B.B. *Notable Women of China*. New York: M.E. Sharpe, 2000.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

Карабущенко Наталья Борисовна, доктор психологических наук, профессор

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 10/2
E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Иващенко Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 10/2
E-mail: avi1937@mail.ru

Чхиквадзе Тинатин Владимировна, кандидат психологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 10/2
E-mail: tv.chkhikvadze@yandex.ru

Пилишвили Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 10/2
E-mail: meinestadt@yandex.ru

В статье представлен обзор работ отечественных и зарубежных психологов, посвященных проблеме духовности личности. Выявлено общее в рассмотрении понятий духовности в русскоязычной и англоязычной литературе. Определены точки расхождения в понимании сущности феномена духовности личности. Выделены структурно-функциональные компоненты духовности личности.

Ключевые слова: духовность, качество жизни, психическое здоровье, самоактуализация, толерантность, эмпатия, ценностные ориентации

STUDY OF THEORETICAL ASPECTS OF PERSON'S SPIRITUALITY IN CONTEMPORARY PSYCHOLOGY

Karabuschenko Natalya B., D.Sc. (Psychology), Professor

Peoples' Friendship University of Russia
10/2 Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russian Federation
E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Ivaschenko Aleksader V., D.Sc. (Pedagogics), Professor

Peoples' Friendship University of Russia
10/2 Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russian Federation
E-mail: avi1937@mail.ru

Chkhikvadze Tinatin V., Ph.D. (Psychology), Associate Professor

Peoples' Friendship University of Russia
10/2 Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russian Federation
E-mail: tv.chkhikvadze@yandex.ru

Pilishvili Tatyana S., Ph.D. (Psychology), Associate Professor

Peoples' Friendship University of Russia
10/2 Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russian Federation
E-mail: meinestadt@yandex.ru

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-06-00887 «Духовность личности и ее роль в принятии морально-нравственного решения».